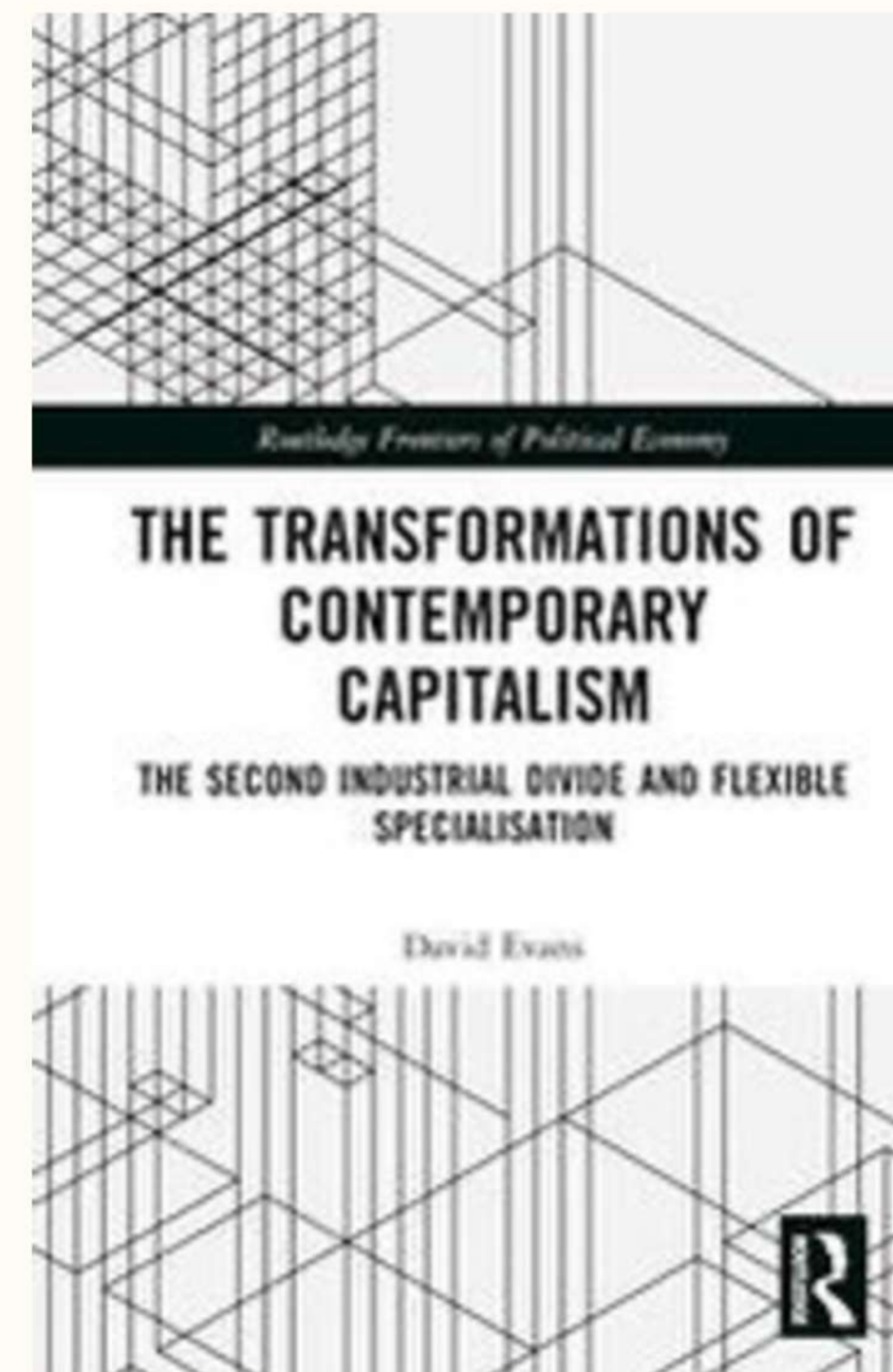

Технофеодализм и надзорный капитализм как языки описания эпохи

Множественные капитализмы

«Интегрированный мировой капитализм»,
«ризоматический капитализм», «гиперкапитализм»,
«технокапитализм», «каннибальский капитализм»,
«когнитивный капитализм», «цифровой
капитализм», «информационный капитализм»,
«интеллектуальный монополистический
капитализм», «семио-капитализм», «капиталоцен»,
«капитализм связи», «нематериальный капитализм»,
«некрокапитализм», «капитализм нажатия
клавиши», **«надзорный капитализм»**, «абсолютный
капитализм», «патримониальный капитализм»,
«платформенный капитализм», «террор-
капитализм», «нейрокапитализм», «зомби-
капитализм»... «казино-капитализм»,
«коммуникативный капитализм», «аффективный
капитализм», «кликбейтный капитализм»

Надзорный капитализм (2019)

Надзорный капитализм начинается с открытия «поведенческого излишка». Под последним подразумевается отслеживание пользовательского поведения в сети. Поведенческий излишек – это знания о пользовательском поведении, которые уже не необходимы для конкретных задач интернет-компании, изучающей поведение пользователей для улучшения работы интерфейса. Открыть излишек было недостаточно. Нужно было найти способ, как его использовать, чтобы получить прибыль. Тогда в дело вступает «новое средство производства» – машинный интеллект, который на основании существующего излишка прогнозирует поведение пользователей. Прогнозы продаются бизнесу, покупающему рекламу. То есть в реальности надзорный капитализм работает B2B и создан не для людей, чье поведение в сети фактически и стало товаром.

Четыре стадии

институционального развития

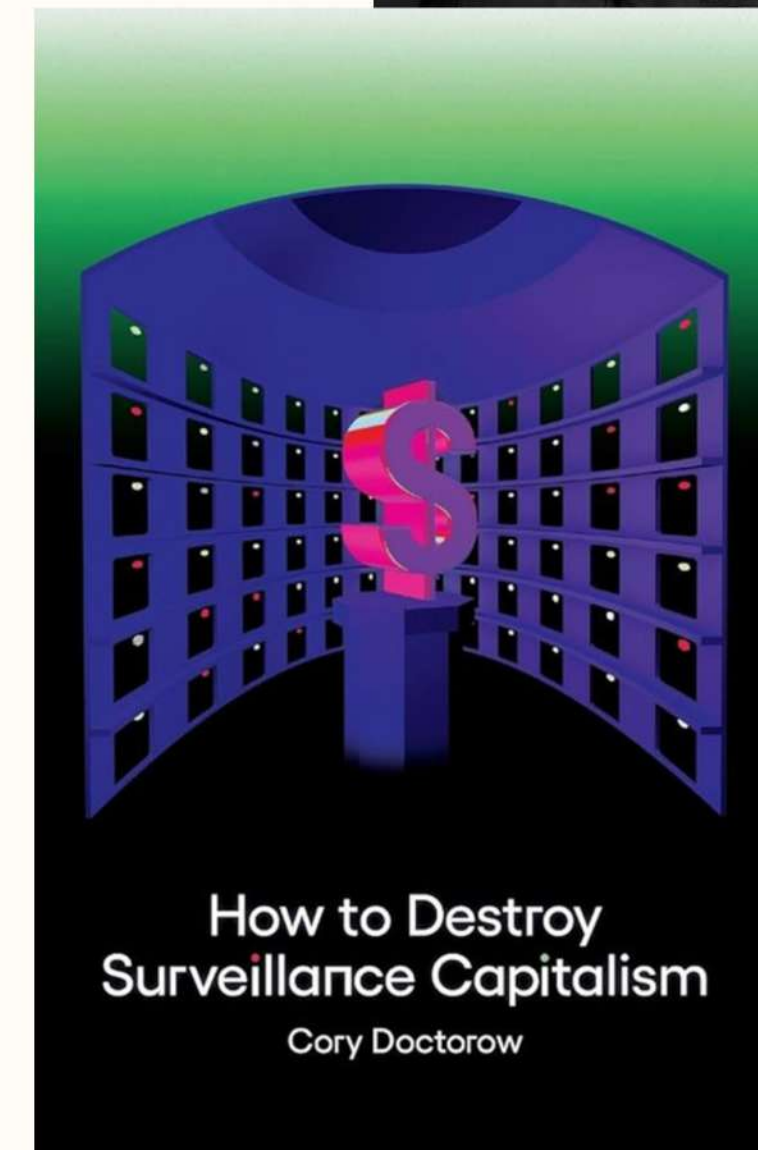
надзорного капитализма (2022)

- 1) превращение поведения человека в товар;
- 2) концентрация производства и потребления вычислительного знания;
- 3) дистанционная активация поведения;
- 4) системное доминирование.

Для каждой стадии характерны свои экономические операции, благодаря которым надзорный капитализм получает два вектора развития – «вектор управления» и «вектор социального вреда». Первый относится к новым управленческим функциям, которые становятся возможны благодаря конкретным экономическими операциями. Второй – вред, который приносят обществу агенты надзорного капитализма на каждой стадии. Проблема заключается в том, что вред каждой стадии невозможно исправить без того, чтобы не исправить вред, который был нанесен обществу на предшествующих стадиях. Вред же может быть устранен в цепочке искоренения экономических операций в обратном порядке.

Критика Кори Доктороу

Шошана Зубофф «утверждает, что надзор буквально лишает нас свободной воли — что, когда наши личные данные смешиваются с машинным обучением, это создает систему убеждения, настолько разрушительную, что мы беспомощны перед ней. То есть Facebook* [принадлежит компании Meta, запрещенной в РФ. Далее будет отмечен *. – А.П.] использует алгоритм для анализа данных, которые он без нашего согласия извлекает из вашей повседневной жизни и использует их для настройки вашей ленты таким образом, чтобы заставить вас что-то купить. Это луч контроля над разумом из комиксов 1950-х годов, которым владеют безумные ученые, чьи суперкомпьютеры гарантируют им вечное и полное господство над миром». Платформа может повлиять на наше поведение, но ограниченным количеством способов манипуляций.

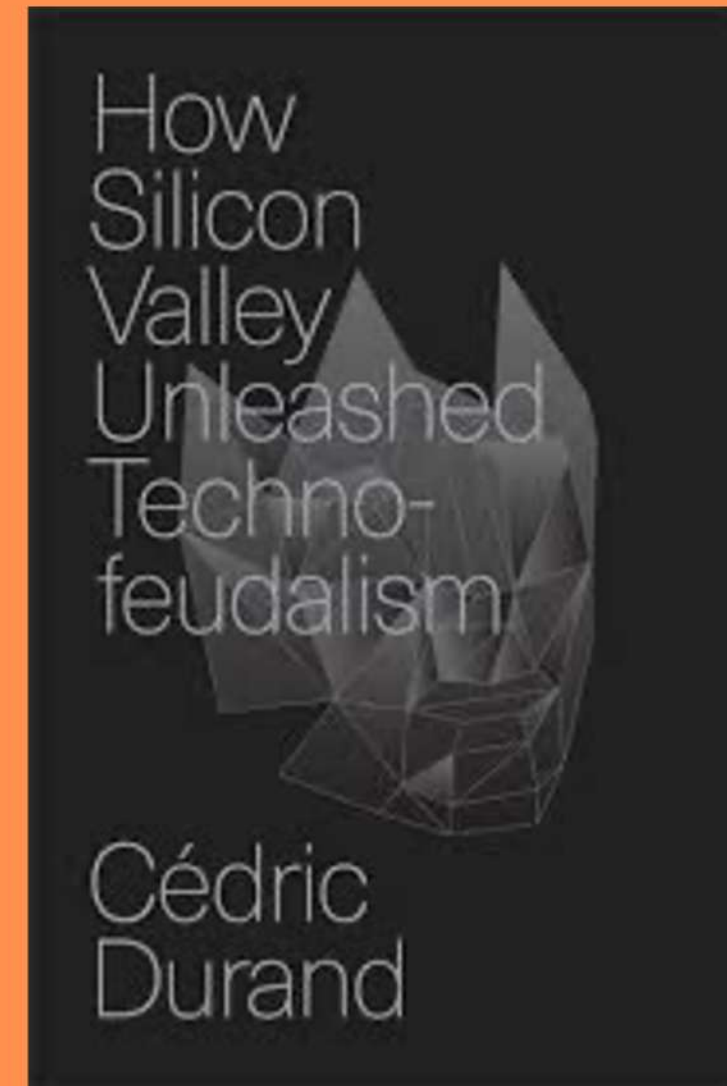
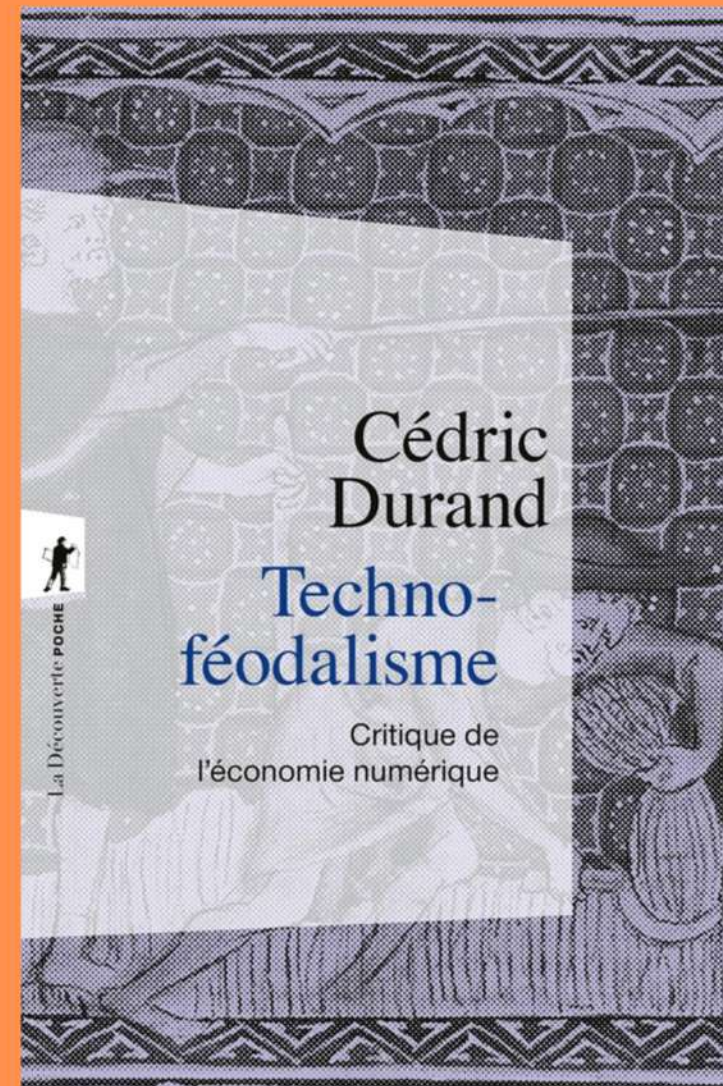
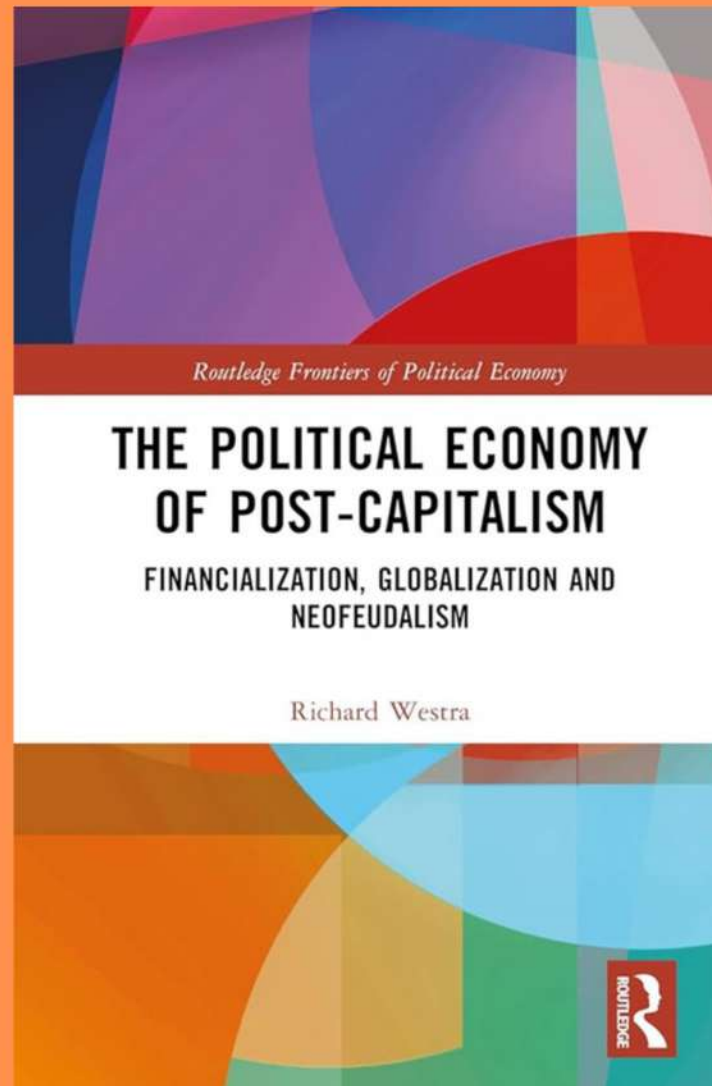
В защиту надзорного капитализма

Философ Петер Кёнигс опровергает пессимистический нарратив о BigTech, предлагая более благоприятный взгляд на такие компании, как Google, YouTube и Twitter/X. Он утверждает, что недостатки надзорного капитализма преувеличены, в то время как преимущества в значительной степени игнорируются. В частности, в статье рассматриваются шесть критических областей: 1) целевая реклама, 2) влияние капитализма на политику, 3) влияние на психическое здоровье, 4) связь с государственным надзором, 5) влияние на верховенство закона и общественное доверие и 6) проблемы конфиденциальности. В каждом из шести пунктов опасения по поводу надзорного капитализма необоснованны или преувеличены. Кёнигс также рассматривает преимущества услуг, предоставляемых технологическими компаниями.

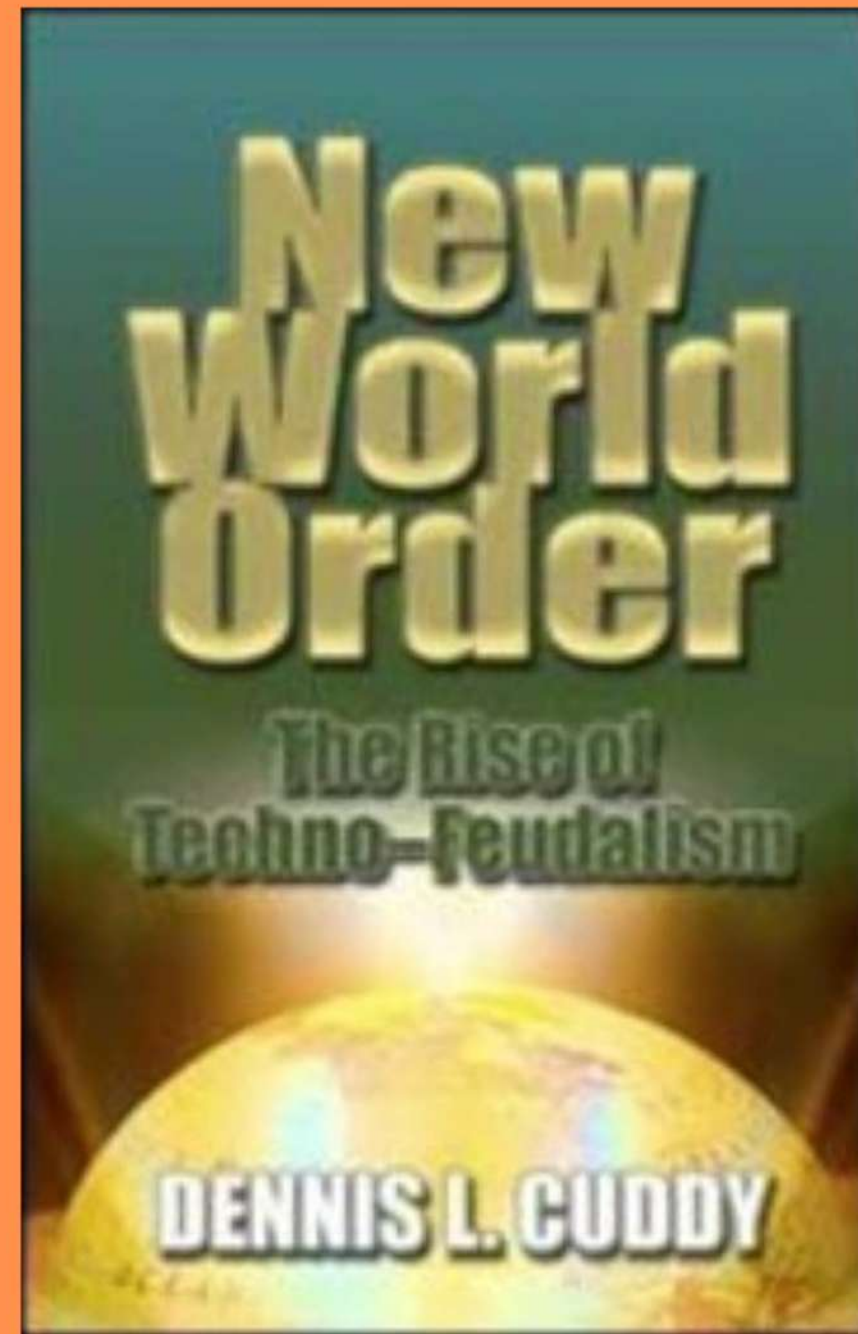
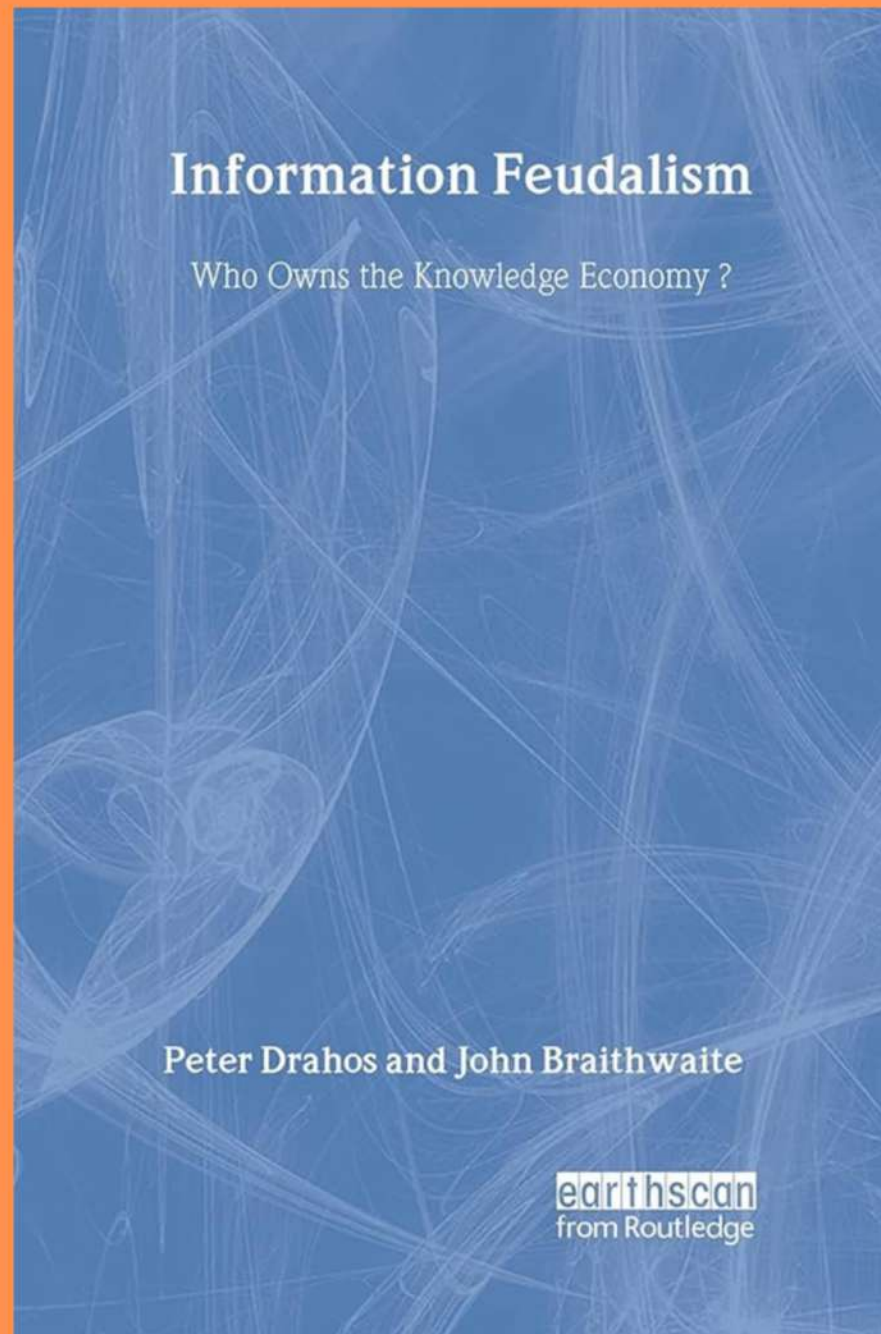

Königs P. In Defense of 'Surveillance Capitalism' //
Philosophy & Technology. 2024. Vol. 37. №4.

Технофеодализм сегодня

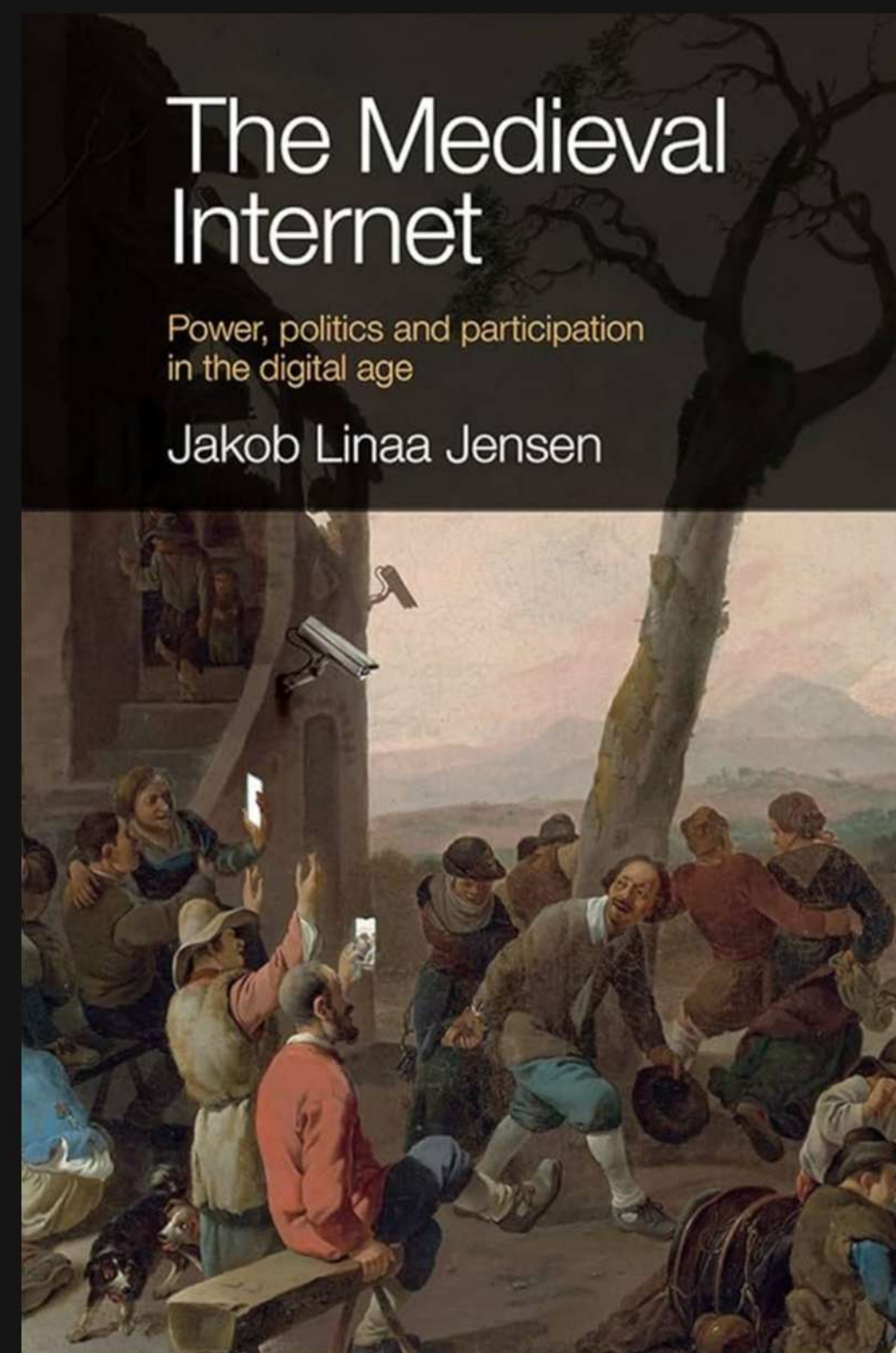

Истоки «цифрового феодализма»

«Цифровой феодализм» (2020)

Речь идет об экономической и социальной логике, которая сходится в том, что часто называют «платформенной экономикой». Автор проводит аналогию между социальными отношениями, зависимостью и властью, заложенными в платформенную экономику, и тем, как феодальные связи объединяли воедино средневековую экономическую и политическую систему. Главный тезис в том, что непосредственное физическое принуждение, которое в итоге помогло определить феодальный порядок, было смягчено в неофеодальном цифровом порядке, где подчинение основано на логике участия и убеждения.

Пример работы «цифрового феодализма»

«...все больше и больше СМИ зависят от Facebook*. Даже общественные вещатели, такие как Радио Дании и BBC, перенесли большую часть своей онлайн-активности на страницы или группы Facebook*, потому что хотят встречаться со своими пользователями там, где те находятся. При этом им также приходится склоняться перед ярмом Facebook*, ослабляя свой исключительный контроль над данными и контентом и позволяя им быть в одном ряду со всем мусором и хламом, который генерирует Facebook*. Правила принадлежат Facebook*, они основаны на американском законодательстве и логике публичной компании: информация не должна оскорблять акционеров и пользователей во всем глобализованном мире» (Р. 109).

(Цифровой) «Неофеодализм»

- парцелляция (то есть фрагментация с одновременным усилением) суверенитета
- новая квазисословная иерархия (экспоненциальный рост неравенства)
- географическая поляризация между мегаполисом и глубинкой (не только по оси Север–Юг, но между центрами и небольшими городами внутри развитых стран)
- апокалиптическое воображаемое (от которого люди спасаются наркотиками)

Джоди Дин, род. 1962

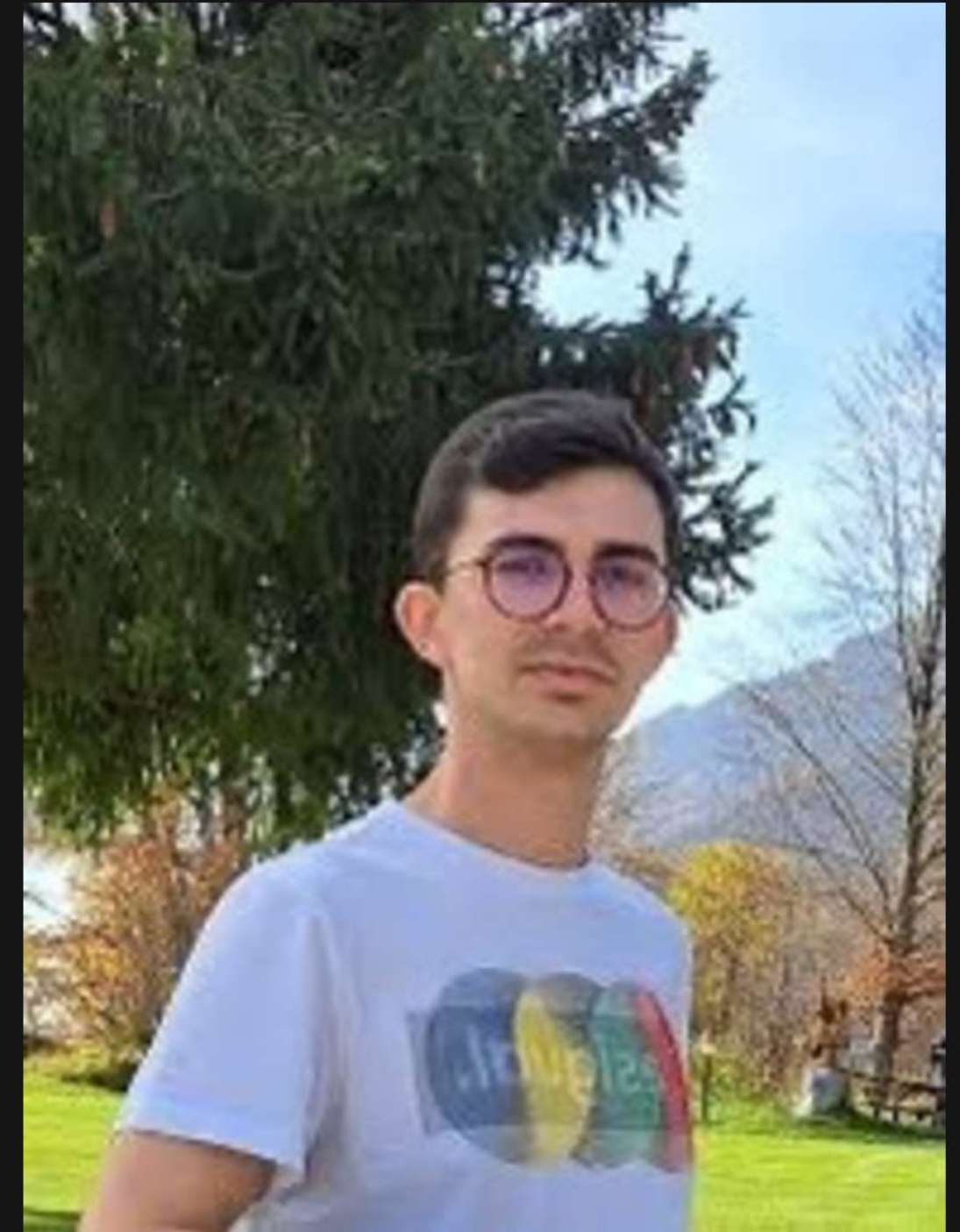
«Датафеодализм»

Карлос Саура Гарсия осуждает доминирование крупных цифровых компаний в текущем социальном, экономическом и политическом контексте современных обществ, с особым акцентом на последствиях для надлежащего функционирования демократии. Во-первых, Гарсия описывает эволюцию от надзорного капитализма к датафеодализму. Во-вторых, анализирует структуры и операционную логику датафеодализма. В-третьих, рассматривает пагубные последствия датафеодализма для надлежащего функционирования демократических систем Европейского Союза.

Manuel Wörsdörfer. 'Datafeudalism: The Domination of Modern Societies by Big Tech Companies': A Commentary // Philosophy & Technology (2024) 37:86

Carlos Saura García. Datafeudalism: The Domination of Modern Societies by Big Tech Companies // Philosophy & Technology (2024) 37:90

Carlos Saura García. The Age of Datafeudalism: From Digital Panopticon to Synthetic Democracy // Philosophy & Technology (2024) 37:98

Варианты технофеодализма

С приватизацией интернета в 1995 году капиталу удалось ограничить digital common, классифицировать его как частную собственность, а также обобщить и распространить digital common частного интернета на мировое сообщество как всеобщую частную собственность. С этого времени отдельные капиталы с долей владения digital common как всеобщей частной собственностью взяли на себя роль цифровых землевладельцев. Став цифровыми землевладельцами, такие агенты, как Facebook* и поставщики интернет-услуг, привлекли пользователей к всеобщей частной собственности глобального интернета, отведя им роль цифровых крестьян или арендаторов. Эта аренда способствовала созданию условий, созревших для установления феодального режима «аграрной» эксплуатации, который выражается через получение цифровой «земельной» ренты и извлечение дани.

Stan Harrison (2021) Digital Feudalism: Sharecropping, Ground Rent, and Tribute // Rethinking Marxism, 33:2, 217-245.

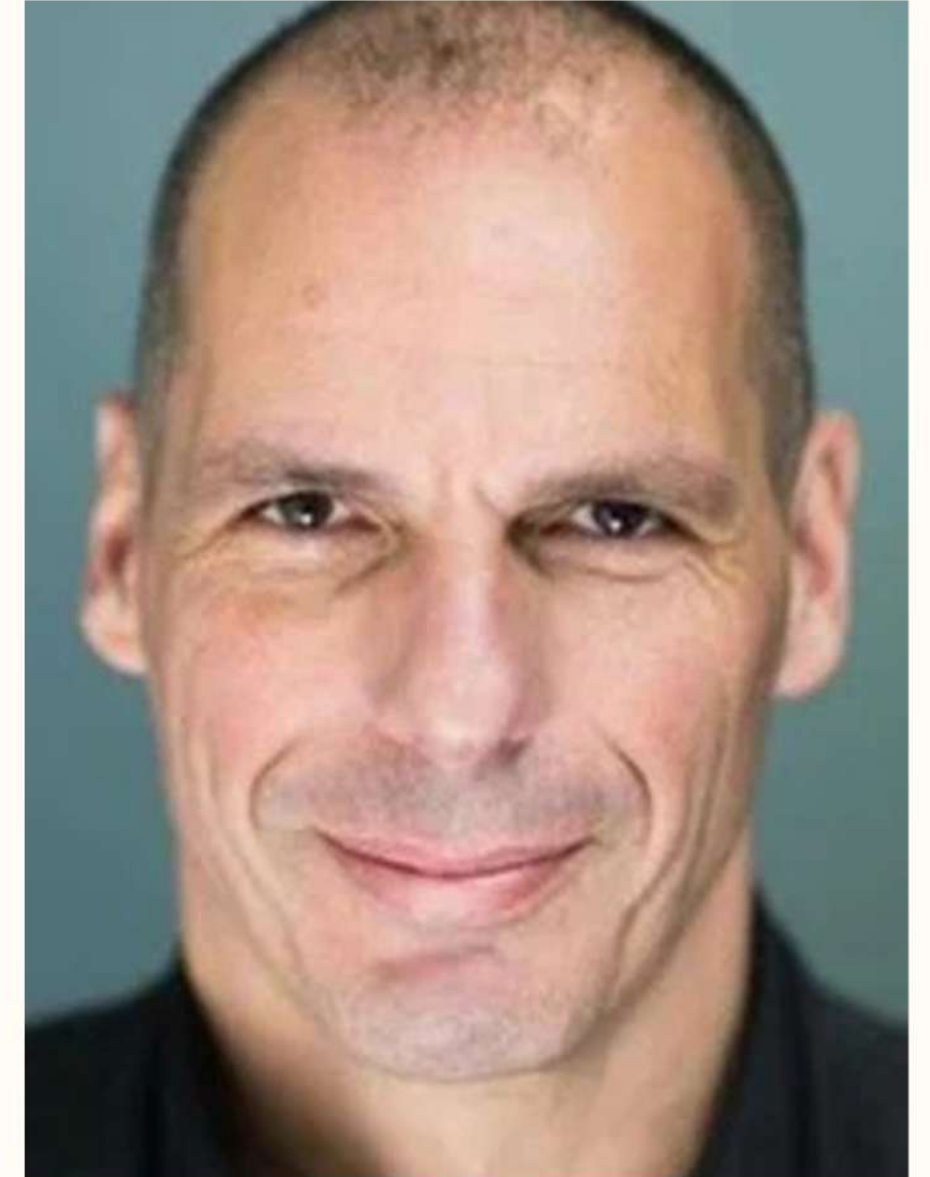
Ключевые тезисы Варуфакиса

«Вассальный капиталистический класс вырос из плодородной почвы первого облачного феода: Apple Store».

«Вместо того, чтобы постепенно привести нас к утопии, криптовалюта стала еще одним инструментом облачных финансов и двигателем накопления облачного капитала».

«Великая трансформация от феодализма к капитализму была основана на узурпации капиталистической прибылью роли движущей силы нашей социально-экономической системы — у феодальной ренты. Вот почему слово «капитализм» оказалось гораздо более полезным и говорящим, чем такой термин, как «рыночный феодализм». Именно этот фундаментальный факт — то, что мы вступили в социально-экономическую эпоху, движущей силой которой будет не прибыль, а рента — требует от нас использования нового термина для ее описания. Если бы мне пришлось выбирать кого-то одного, чтобы проиллюстрировать необходимость как слова, так и концепции технофеодализма, для осознания затруднительного положения, в котором мы вновь коллективно находимся, это был бы Илон Маск».

«Если моя гипотеза о том, что облачный капитал побеждает «земной», высасывая, словно через коктейльную трубочку, все больше облачной ренты из глобальной цепочки создания стоимости, верна, то Европа в глубокой беде. Потому что Европа — не Китай. В ней нет собственной Большой Цифры, ни одной крупной технологической компании, которая могла бы конкурировать с компаниями Кремниевой долины, а ее финансовые системы полностью зависят от Уолл-стрит».

Надзорный капитализм или технофеодализм?

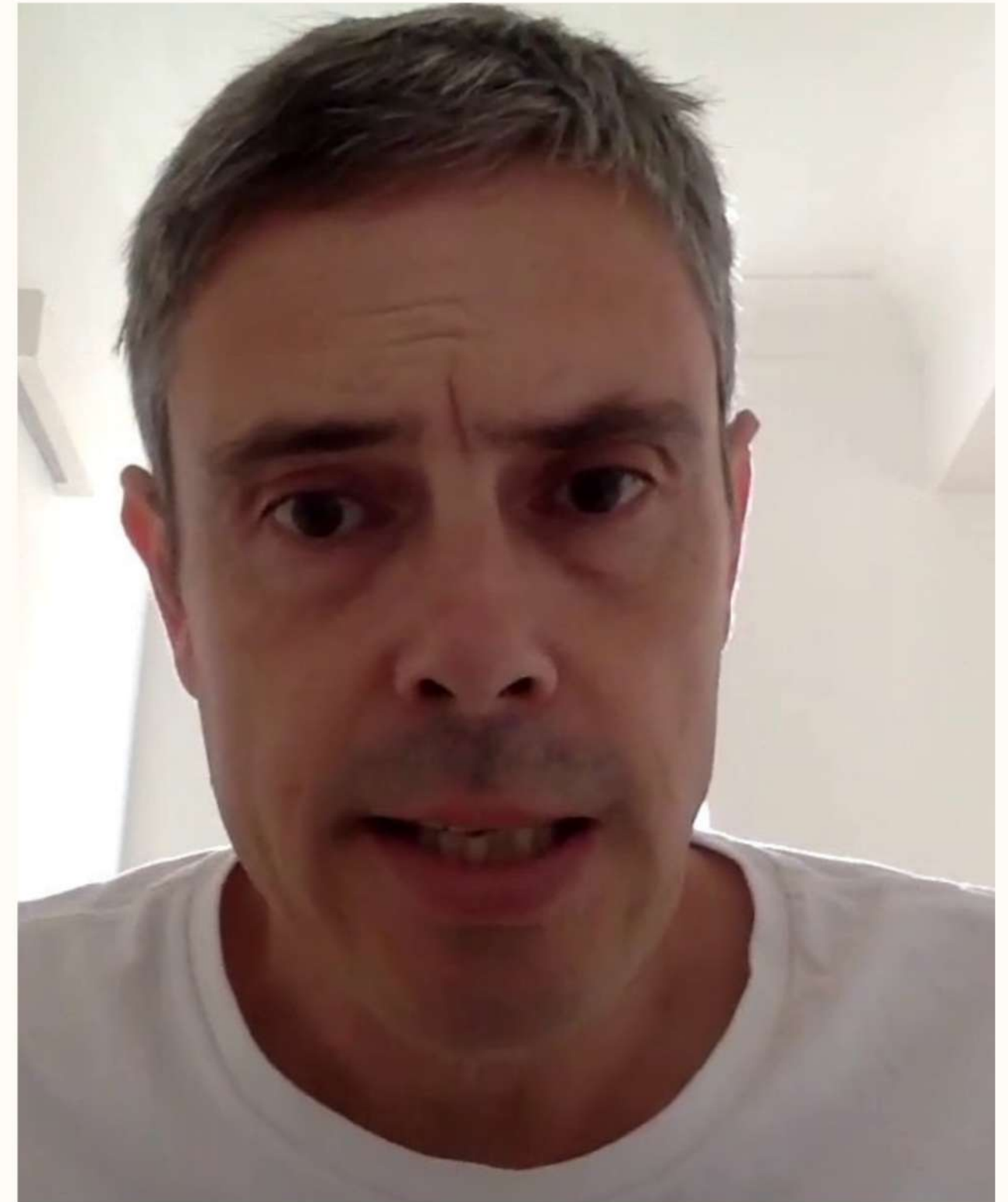
В ряде популярных высказываний последних лет утверждается, что появление развитой, ориентированной на платформы цифровой экономики знаменует собой конец капитализма как такового. Джереми Гилберт оценивает подобные утверждения таких теоретиков, как Маккензи Уорк и Янис Варуфакис. В конечном счете предполагается, что более полезную и правдоподобную альтернативу этим концепциям можно найти в утверждении Школы регулирования о том, что «платформенный капитализм» представляет собой новый «режим накопления», преемника «фордизма» и «постфордизма». Гилберт объясняет исторические истоки этого подхода, доказывая непреходящую его полезность и совместимость с недавними разработками в институциональной, технологической и медийной социологии. Гилберт объясняет совместимость подхода, характеризующего «платформенный капитализм» как новый режим накопления, с рядом других точек зрения как на «платформизацию», так и на современный капитализм, а также обсуждает общие тенденции в популистской политике последних десятилетий как примеры культурных, социальных и политических особенностей платформенного капитализма.

Jeremy Gilbert. Techno-feudalism or platform capitalism? Conceptualising the digital society // European Journal of Social Theory. 2024, Vol. 27(4) 561–578

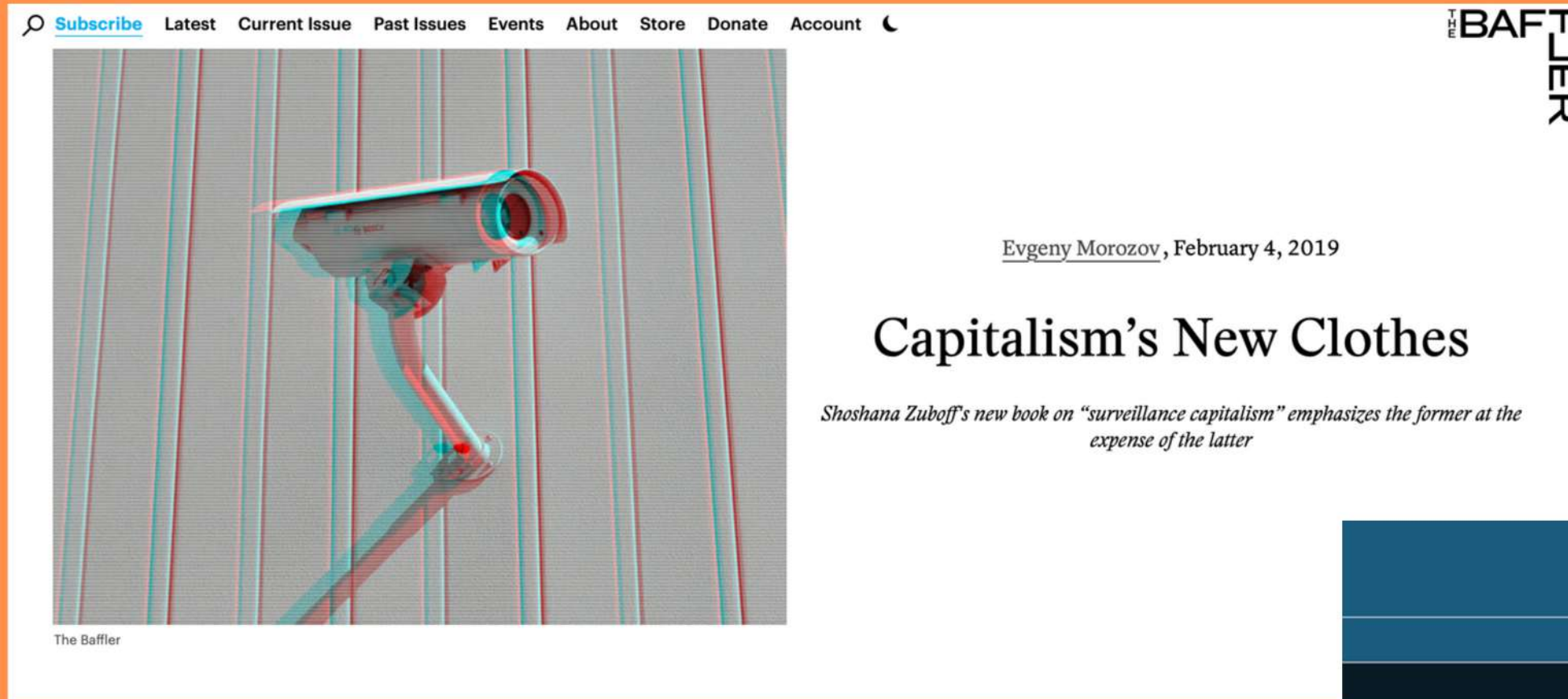
Критика технофеодализма (в версии Варуфакиса)

Николас Гейн оценивает теорию технофеодализма Яниса Варуфакиса и утверждает, что капитализм не был вытеснен возрождением феодализма, а принимает новые формы, которые все больше выходят за рамки полномочий национальных государств и социальной демократии. Также Гейн подвергает сомнению альтернативу «либертарианского марксизма», которую Варуфакис предлагает и которая отказывается от любого интереса к регулирующим полномочиям государства. Это предложение предполагает политические действия, основанные на интересах потребителей, чтобы нанести ущерб рыночным позициям крупных корпоративных образований, хотя рынки и прибыль больше не являются центральными для функционирования технофеодализма.

Nicholas Gane. Capitalism is capitalism, not technofeudalism // Journal of Classical Sociology. 2024. 1-16.

Евгений Морозов против надзорного капитализма и технофеодализма

Интеллектуальное бессилие

«Идея о том, что феодализм возвращается, согласуется с левым критическим анализом, осуждающим капитализм как экстрактивистский. Если нынешние капиталисты — просто ленивые рантье, ничего не приносящие в процесс производства, то разве они не заслуживают понижения до положения помещиков? Это производство феодальных образов пристрастных к медиа и мемам левых интеллектуалов не прекратится. В конечном счете, однако, популярность феодального тезиса является свидетельством интеллектуальной слабости, а не медийной смекалки. Как будто теоретические рамки левых больше не могут понимать капитализм без мобилизации морального языка коррупции и извращений. ... Надеюсь, что критика технофеодального разума сможет пролить свет на мир, в котором мы находимся».

Такой же, как и всегда?

«Морозовская критика технофеодализма настаивает на том, что наши цифровые повелители не являются «ленивыми рантье». В качестве основного примера он рассматривает Google как новаторов, вкладывающих деньги в исследования и разработки, участвующих в производстве новых товаров, таких как поисковые результаты. Но стремление к максимизации прибыли может помешать реинвестированию излишков в производство, вместо этого направив их в деструктивное русло. Собственные законы капитализма могут подорвать капитализм и породить нечто худшее. Так, Uber подрывает и разрушает сектор городского транспорта, снижая заработную плату и лишая водителей такси возможности зарабатывать на жизнь. Airbnb также привела к снижению доходов отелей и увольнениям сотрудников».

NLR

HOME · ABOUT · CONTRIBUTORS · NEWSLETTER · SUPPORT

Same As It Ever Was?

JODI DEAN

06 MAY 2022 — ECONOMICS

Evgeny Morozov's '[Critique of Techno-Feudal Reason](#)' in the latest NLR takes aim at the growing list of thinkers who have seen homologies between feudalism and current tendencies in the capitalist system – prolonged stagnation, upward redistribution by political means, a digital sector in which a few 'barons' benefit from a mass of users 'tied' to their algorithmic domains, and the growth of a service sector or sector of servants. Among those accused of 'feudal-speak' are Yanis Varoufakis, Mariana Mazzucato, Robert Kuttner, Michael Hudson and myself. Morozov dismisses feudal analogies as meme-hungry intellectual attention-seeking, a failure to understand digital capitalism, rather than insights into the possibility that it might be turning into something no longer aptly described as capitalist. Is he right?

In defining what makes capitalism capitalism, Morozov contrasts the conceptualizations of Marxists like Robert Brenner with those of world-systems theorist Immanuel Wallerstein. As he notes, Marxists generally conceive the process of surplus extraction under feudalism as 'expropriation', driven by extra-economic coercive or political means: lords expropriate produce from peasants over whom they exercise sovereign political and

Спасибо за внимание!

